

Пролог

*Война богов,
в сиянии Червоточин*

Ритмично пульсировала в ночном небе лестница: ступень красная, за ней — зеленая, синяя. Вместе с северным сиянием раскрывались в вышине Врата Червоточин. Морозный воздух гудел и искрился, выстуживая душу сквозь почти омертвелую плоть. Вдалеке полыхали зарницы, лязгала небесная сталь и грохотали летящие с гор глыбы — отголоски уже выигранной войны, Войны богов и Предвечного Мрака, что охватила все девять сфер мироздания и погубила целый континент.

— Когда же вы утомитесь? Разве не видите, что все уже кончено? — выкрикнул в пустоту безликий Ветер.

Меховая одежда пропиталась кровью и отяжелела. Одной рукой он опирался на железный посох, второй — зажимал рану на боку. Хорошо, что Ветер утратил Благодать, иначе зараза уже убила бы его, покрыв тело язвами. Какая ирония! Будучи смертным, он протянул немного дольше, чем если бы остался богом. И хорошо! Эти мгновения дороже всего золота мира.

За Вратами уже виднелись переливающиеся радугой своды Пещеры духов. Приглушить бы нестерпимый свет, но сил вряд ли хватит, а они еще нужны.

Оказавшись внутри, Ветер замер и попытался отдышаться. Эхом отражаясь от сводов, по пещерному залу пронесся испуганный шепот. Развоплощенный братец Тень подоспел — жаждал вернуть себе тело.

Ветер усмехнулся:

— Не надейся. Ты останешься здесь, со мной. Навечно.

Бесплотный братец нырнул в темную Сумеречную реку и помчался по течению к Мельнице душ. Ее колесо черпало воду и с грохотом опрокидывало обратно, унося мертвых к перерождению. Того же добивался и братец.

Ветер собрался с силами и вонзил посох в мельничное колесо. Лопасты заскрежетали, пытаясь смять преграду, но та выдержала. Осталось лишь одно усилие, чтобы наверняка заклинить демонов механизм и помешать брату.

На его руке вздулись жилы. Ветер выжимал из себя последние капли магии. Хватит ли их? Он положил ладонь на колесо. Белым пятном от нее побежал иней, перерос в толстую ледяную корку и намертво сковал реку вместе с Мельницей.

Последний шаг — и ноги подкосились. Ветер оперся о стену и сполз на пол.

Зрение угасало. Звуки отдалялись за грань. Ветер и сам приближался к ней. Стирались имена братьев, матери, жены, его собственное. Лица уходили в забвение. Манящее безмятежной синевой небо забирало боль от раны, горечь предательства и тоску разлуки. Становилось легко, будто корка льда покрывала его самого. Ветер растворялся в прозрачной дымке, был всем и ничем одновременно, жил в каждой букашке и каждом горном исполине, слышал и видел все. Почти осязаемой грезились свобода.

Дрему нарушила тяжелая поступь. Сознание с оглушительной болью вернулось в тело. Почему покоя нет даже в смерти?!

— Что ты наделал, сын? — пророкотал над головой строгий голос Небесного Повелителя, который так пугал в детстве.

Ответ дался ему с трудом:

— Остановил бойню, отец! Разве не видишь?

Рану накрыла теплая ладонь. Стало немного легче.

— Но какой ценой... — с сожалением выдохнул Небесный Повелитель.

— Я заплатил ее сполна. — Его присутствие заставляло Ветра огрызаться, даже когда для этого было не время. — Вы выиграли войну длиною в вечность. Празднуй, а мне позволь спокойно умереть.

— Мрак вернется, — возразил отец.

— Я этого не увижу, а ты будешь знать, как справиться.

— Справляться впредь будешь ты.

Ноздри защекотал запах тлена, ушей коснулся злоеший шепот. Ветер распахнул глаза.

Небесный Повелитель осунулся и постарел: запомнившееся молодым лицо бороздили глубокие морщины. С разбитого виска по щеке текла кровь. В разорванной на груди меховой одежде копошился осколок Мрака — выедал душу, заполняя пустоту темной сущностью.

— Видишь, жизни в нас двоих осталось лишь на одного. Им будешь ты. Прости.

— За что? — ужас с хрипом вырвался из его гортани. Ветер догадывался, что задумал отец, но отказывался в это верить.

Небесный Повелитель со звоном вытянул меч из ножен. Обнаженный клинок вспыхнул фиолетовыми огнями и с хрустом вонзился в сердце Ветра.

Боль накатывала удушливыми волнами, переплеталась с жизнью. Спротивляться не осталось сил. Ветер мог

лишь смотреть, как лезвие проворачивается, убивает все сыновье, то, что не успело стереться с именами и лицами, и вживляет свое — отцовское.

Силы Небесного Повелителя текли сквозь звездный металл. В лицо Ветра впивалась костяная маска, тело каменило, а мировая твердь вдавливала его плечи в пол.

Сознание кануло в темные воды, но не ушло за грань, не растворилось, — хотя Ветер так жаждал смерти.

— Спи спокойно, сын мой, — зашептал Небесный Повелитель, укладывая его, обездвиженного, на каменное ложе. Коснулся влажными губами лба. — Когда-нибудь ты примешь эту силу, как примешь и себя. Прощай.

Глава 1

Белоземская принцесса

1526 г. от заселения Мунгарда.

Белоземье, Веломовия

Лайсве готовили к свадьбе по древним, почти забытым обрядам: искупали в отваре ромашки и полыни, одели в простое платье из беленого льна, распустили волосы и возложили на голову венок из кувшинок. Рядом находились лишь незамужние девушки: на праздниках юности старости не место. С танцами и песнями невесту провожали в священную дубраву, где уже ждал жених со своей свитой.

Царствовала ночь. Полная луна венчала небо. Трещали костры, освещая путь и напитывая воздух запахом хвои.

Меж вековых дубов показался силуэт суженого. Высокий, широкоплечий, по стати ясно, что он могучий воин и благородный человек. Такой же простоволосый, в длинной неподпоясанной рубахе. Его мужественное лицо озарила улыбка. Столько восхищения и нежности было в ней, сколько Лайсве никогда прежде не видела.

— Клянусь, я отрекаюсь от всех женщин, кроме тебя, и не возьму в постель другую, пока ты жива, и даже после смерти, — сорвались с его губ искренние слова.

Зашелестели листья, хрустнула сухая ветка, заставив ее отвернуться от суженого. В кустах затаился таинственный зверь, припал к земле. Белое пятно по всей морде походило на маску. Глаза сияли синевой неба, горела рыжим пламенем шерсть. Зверь принялся, выгнулся и зашипел.

Лайсве оглянулась на поляну. Ее устлали растерзанные тела, над которыми возвышался суженый. Его черная рубаша сливалась с ночной мглой, а на груди извивались угольные змеи. Он протянул руку и колдовским голосом прошептал: «Будь со мной, будь одной из нас!»

Огненный зверь взревел, разрывая паутину наваждения, и бросился прочь. Лайсве — следом.

Сквозь тонкую ткань кожу студил мертвенный холод. Низко нависающие ветки хлестали руки, раздирали платье, вырывали клочья волос. Сердце грохотало, ноги уже не держали, но Лайсве не останавливалась. По пятам мчалось нечто темное, страшное, злое. Оно не убьет — захватит, выжрет сердцевину и заставит жить безвольной куклой.

Лайсве зацепилась за корень и упала, разбив колени, затем подскочила и снова побежала. Зверь свернул с большой дороги на едва заметную стежку. Нельзя его потерять. Только он знал путь к спасению.

Впереди забрезжил просвет. Зверь замер у опушки.

Спасение рядом?

Лайсве едва успела остановиться на краю пропасти. Из-под ног посыпались камни, потонули в пустоте, так и не достигнув дна. Противоположный край земли было не разглядеть. В небе грозовые тучи доедали остатки луны. Где-то позади гудел мертвыми голосами Мрак; он валил высоченные сосны, иссушая и разнося их в труху, смердел гнилью и скрежетал, протягивая к Лайсве свои щупальца.

Он был там, ее суженый, в самом сердце. Это он крушил и убивал все живое. Он и был самим Мраком!

Огненный зверь метался вдоль обрыва, оборачивался на погибающий лес, рычал и продолжал кружить.

Мрак замер в двух шагах от них. Суженый снова протянул руку и позвал Лайсве по имени.

— Ты не тронешь Зверя?

— Мне нужна только ты.

Она почти приняла Мрак, когда Зверь выскочил вперед, обнажив клыки. Щупальца кинулись было наперерез, но тут же загорелись. Вспыхнул чудовищный пожар, очищая мир от живых и от Мрака разом, но ни Лайсве, ни Зверь уже не видели этого, растворившись в огненном зареве.

— Не осталось больше у Небесного Повелителя владений, чтобы наделить ими младшего сына, безликого Западного Ветра, — проскрипел над ухом нянюшкин голос. — И наказал ему отец во всем подчиняться старшим братьям.

Лайсве вздрогнула и укололась об иглу, торчащую из растянутой на пяльцах ткани. Выступила кровь. Пришлось слизнуть, чтобы не испортить вышивку, над которой Лайсве корпела весь последний месяц.

Надо же, заснула среди бела дня! Да еще и на жестком стуле, в неудобной позе. Нет, нельзя подолгу за работой засиживаться, а то и не такое приснится. Так всегда говорил отец, когда Лайсве прибегала к нему в слезах после очередного кошмара. «Мы не ясновидцы, наши сны не сбываются. Да и какое зло может угрожать за надежными стенами родового замка, который охраняют доблестные Сумеречники?»

В угловом камине потрескивали сосновые поленья, обогревая маленькую гостиную. Лайсве дожидалась бра-

та-близнеца Вейаса. Пока его учили фехтовать и пользоваться родовым даром — мыслечтением, Лайсве приходилось вышивать и выслушивать наставления о хороших манерах и добронравии. А ей порой так хотелось сбежать в лес и насладиться свободой!

— Но Безликий был горд и вольнолюбив, — продолжала нянюшка.

Лайсве слышала это сказание, как и все остальные, добрую сотню раз, но уж очень она их любила. Они словно переносили во времена, когда они с братом, еще совсем крохи, трепетали от каждого слова и прятали головы под одеяла в самые пугающие моменты.

Лайсве выглянула в окно. На улице сгущались серые весенние сумерки, но Вейаса все не было. Неужели опять развлекается с какой-то служанкой? А ведь обещал навестить! Сколько еще таких вечеров осталось? После церемонии взросления им придется расстаться: Лайсве уедет в замок будущего мужа, а Вейас отправится проходить испытание, чтобы стать рыцарем.

— Отказался Безликий подчиняться отцу и вступил на тропу нетореную, чтобы самому решать свою судьбу. — Голос нянюшки опустился до хрипловатого шепота. — Долго скитался он по свету неприкаянным, стоптал семь пар железных башмаков, изломал семь железных посохов, изглодал семь железных караваев, прежде чем обрел свои владения. Была та земля широка и плодородна, но кишели на ней демоны, что мешали возделывать поля, пасти стада и строить новые села. Позвал тогда Безликий самых смелых охотников и повел их в поход против злокозненных тварей. Кололи их копьями, секли топорами, стреляли из луков — три человеческие жизни бились, пока не очистилась земля от Мрака. Когда затрубили горны победы, Безликий почувствовал смертельную усталость. Наказал он охотникам создать орден, который хранил бы всех людей от демонов, и удалился на край

земли. Но белоглазые вельвы говорят, что ушел Безликий не навсегда, а лишь уснул до поры.

— Да-да, и проснется он, когда наступит конец времен, — заявил Вейас, вваливаясь в комнату. На его красивом лице играла удовлетворенная ухмылка. Значит, хорошо развлекся. — Никогда не понимал этой истории. Если Безликий — наш покровитель, то почему дрыхнет, пока его мир катится демонам под хвост? — Испортив волшебство нянюшкиного сказания, он развалился на обитом голубым бархатом диване.

Конечно, куда Лайсве и нянюшке до его распутных девиц. От раздражения ей захотелось заскрежетать зубами.

— Ничего ты не понимаешь в настоящих историях, — поддела она брата. — Безликий набирается сил в ожидании последней битвы, а люди еще должны доказать, что достойны спасения. Правда, нянюшка?

— Откуда ж мне знать, что думают боги? — Старуха развела морщинистыми руками.

— И кто из нас ничего не понимает? — Вейас швырнул в сестру подушкой.

— Всяко больше тебя, — хмыкнула Лайсве, поймав ее у своего лица.

Вейас самодовольно сцепил пальцы в замок и смачно ими хрустнул. Лайсве подкралась сзади и стукнула его все той же подушкой. Брат зарычал. Они покатались кубарем, барахтаясь и скача по дивану, прямо как в детстве. На мгновение даже показалось, будто они вернулись в ту счастливую пору, когда в их жизни еще не было ощущения, что все вот-вот закончится.

— А ну-ка хватит! — заругалась нянюшка. — Ишь, расшалились! Взрослые совсем, а все деретесь. Тебе, Лайсве, вообще должно быть стыдно: свадьба скоро, дети, хозяйство, дом одной вести придется, мужа голубить, а ты все брата задираешь. Женщине надо быть кроткой, покорной и ласковой, а не дерзить и кулаками размахивать.

— Да, нянюшка, — Лайсве вернулась на прежнее место, и паршивец Вейас показал ей язык.

Обидно! Почему это так плохо — оставаться ребенком?

— Вот, гляди, подарок для жениха. — Вынув ткань из пальцев, Лайсве протянула ее нянюшке, чтобы отвлечь от потасовки. Не приведи Безликий, еще отцу наябедничает! — Красиво?

Старуха покрутила вышивку в руках, разглядывая ее подслеповатыми глазами. Выверенный до последнего стежка узор: белая горлица с мечом в когтях на голубом фоне — родовой герб Веломри. По ним виднелся девиз, вышитый золотом: «Наше сердце легче пуха».

— Искусно, — кивнула нянюшка. — И дорого.

— Сама на ярмарке нитки выбирала, — Лайсве улыбнулась. — Не хуже, чем у мамы?

— Алинка большой мастерицей была. Такие узоры выходили из-под ее пальцев, глаз было не оторвать, словно вся жизнь в них заключена, — разоткровенничалась нянюшка и тяжело вздохнула. — Твой узор красивый, конечно. Видно, что старалась. Но он холодный, нет в нем огня, понимаешь? Души нет.

Вейас зашевелился на диване, потянулся к Лайсве, чтобы утешить, но она отпрянула.

— Ну и ладно. — Ей хотелось выбросить дрянную вышивку в камин. Нет, нельзя здесь. Лучше у себя. И не показывать слез. Веломри не плачут. Никогда.

Забрав у нянюшки вышивку, Лайсве улыбнулась, как того требовал этикет, и умчалась к себе, забыв даже пожелать спокойной ночи. Опять заругают! Но так гораздо лучше, чем показать слезы.

В спальне она распахнула окно и проскользнула в узкий проем, затем прошла по парапету до приметной башни, ухватилась за выступ и, подтянувшись, нырнула в щель бойницы. Худая и невысокая, она всегда находила место, где спрятаться ото всех и помечтать в одиночестве.

Ночная прохлада бодрила. Здесь, наверху, было хорошо — лежать на смотровой площадке, разглядывать звездные рисунки и размышлять.

Лайсве перебирала пальцами вышивку. Столько усилий потрачено на идеальный узор, но он все равно никому не понравился. Нет души. Можно купить дорогую ткань и нитки, можно обрисовать силуэт мылом и наловчиться делать ровные стежки. Но где взять душу, если ее нет?

Вышивка выскользнула из ее пальцев и упала на пол. Лайсве достала из-за пазухи медальон с портретом и принялась рассматривать изображение своей матери. Та была южанкой, очень красивой: с темными волосами, темными бровями и карими глазами. Большая искусница — прекрасно шила, вышивала, рисовала, пела да танцевала. Все ее обожали, особенно отец с нянюшкой. Все, что Лайсве о ней знала, — с их слов. Мама умерла сразу после родов. Отец до сих пор тосковал по ней, хоть и не говорил этого.

Лайсве и Вейас совсем на нее не походили: оба светло-волосые настолько, что казались седыми. Глаза холодные — кристально-голубые, как у отца. Брат выделялся некрупными точеными чертами лица и холеной красотой. Лайсве свою внешность недолюбливала; она чувствовала себя совершенно не такой, какой отражалась в зеркале, когда ее рядили в роскошные платья из сверкающей парчи и бархата и делали сложные, высокие прически. Окружающие же считали ее милым сорванцом в юбке, которому еще только предстояло расцвести в прекрасного лебедя.

Сейчас ее больше всего волновала помолвка. В детстве на каждый день рождения Лайсве загадывала, чтобы ее мужем стал сильный и благородный рыцарь, который бы обожал ее и хранил верность до конца своих дней, но после недавнего сна одержимая любовь перестала казаться ей такой уж привлекательной. Может быть, все из-за волнения перед помолвкой, ведь переживать было о чем!

Жених родом из Заречья; он увезет Лайсве в свой жаркий степной край. Там нет ни лесов, ни каменистых